

ИСЛАМ У ТУРКМЕНОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ И АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Статья посвящена значению ислама в духовной культуре и общественной жизни туркмен юга России. Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в 2007–2015 годах в ходе экспедиций в Ставропольский край и Астраханскую область. Этническая группа российских туркмен сформировалась в XVII–XIX веках и в настоящее время насчитывает около 17 000 человек, компактно проживающих в туркменских аулах. Туркмены исповедуют ислам суннитского толка, большинство их обрядов и ритуалов связаны с мусульманскими молитвами и символикой. Вместе с тем, традиционно туркмены не относятся к числу ревностных мусульман, в их духовной культуре присутствуют народные обычаи и поверья, очень поверхностно связанные с исламом. В советский период, несмотря на антирелигиозную государственную политику, российские туркмены сохраняли свою религию, тайно выполняли исламские обряды и правила, в качестве мечетей использовали обычные дома. В настоящее время религиозность туркмен сильно варьируется, однако практически все семьи проводят основные мусульманские обряды, связанные с семейными событиями и праздниками. Социальная жизнь в туркменских аулах тесно переплетается с религиозной, а муллы выступают в качестве местных лидеров и входят в органы самоуправления. Мечети играют роль общественных центров. Туркменские аулы не обошла пропаганда фундаменталистского ислама, которая ведется во многих регионах Северного Кавказа. Последнее десятилетие складывается своеобразная ситуация: молодежь оказалась вовлеченной в религию гораздо больше, чем многие жители старшего возраста, воспитанные в духе общесоветских ценностей. Жители аулов и имамы мечетей стараются противостоять распространению фундаменталистских идей, убеждают молодежь не поддаваться религиозной пропаганде. В целом в Ставропольском крае сложилась сложная обстановка, связанная с ростом числа фундаменталистки настроенных людей. При этом краевая администрация пытается контролировать любую этнокультурную и религиозную деятельность на местах, подчас подозревая «ваххабитские настроения» у вполне лояльных и законопослушных граждан, в том числе туркмен. Важно подчеркнуть, что местные туркмены, традиционно исповедуя ислам, истари сохраняют полную лояльность по отношению к русскому населению и Российскому государству.

Брусина Ольга Ильинична – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: brusina@inbox.ru. **Olga I. Brusina** – Institute of Ethnology and Anthropology RAS. E-mail: brusina@inbox.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: *туркмены, Ставропольский край, Астраханская область, ислам, религия, доисламские верования*

В Ставропольском крае и Астраханской области издревле живут туркмены, которые относятся к туркменским племенам човдур, игдыр, союнаджи и абдал, кочевавших на полуострове Мангышлак и прилегающих к нему степных районах. Переход отдельных родовых групп на Нижнюю Волгу и Северный Кавказ из Закаспийских земель связан с продвижением на запад калмыков и теснимых ими ногайцев, а также – с давлением Хивинского ханства, которое вело борьбу с кочевыми туркменами. Согласно самым ранним из русских архивных документов, в которых упоминается переселение туркменов, в 1653 г. более 1665 туркменских семейств пришли с полуострова Мангышлак на русские земли (*Бентковский* 1869: 185). Продвижение туркменов в сторону Северного Кавказа продолжалось во второй половине XVII, в XVIII и в начале XIX веков (*Курбанов* 1995: 46–57).

В XVIII веке туркмены были приняты в российское подданство, а в 1825 г. в Ставропольской губернии образовалось Туркменское приставство, что стало важной вехой в истории развития этой этнической группы. С тех пор российские туркмены имели возможность официально осуществлять самоуправление на переданной им территории. В России эту группу искаженно называли «трухмены», «трухмяне», «трухменцы» и иначе, хотя самоназвание всегда оставалось «туркмены». Общественные отношения ставропольских и астраханских туркменов строились на основе традиционных патриархально-родовых институтов, на которые опирались и административные органы Российской империи. В советский период здесь был создан Туркменский район, который охватывал лишь часть территории бывшего Туркменского приставства. В настоящее время российские туркмены проживают в двух десятках более или менее моноэтнических аулов, относящихся к пяти районам Ставропольского края, а также в трех селах Астраханской области. По данным переписи 2010 г. в Ставропольском крае численность туркменов составляет около 15 000 человек, а в Астраханской области – около 2000 человек (*Брусина* 2016: 27-28).

Этнографические материалы о современной жизни этой этнической группы были получены О.И. Брусиной в ходе полевых исследований 2007–2015 годов, в том числе в 2013 г. вместе с к.и.н. Л.Т. Соловьевой, а в 2015 г. вместе с д.и.н. Ш.Х. Кадыровым. Были обследованы туркменские поселения Туркменского района (аулы Чур, Шарахалсун, Сабан-Антуста, пос. Кучерлы), Нефтекумского (аулы Озек-Суат, Улуби-Юрт, Махач, Кок-Бас и др. пос.), Арзгирского (аул Башанта), Благодарненского (аул Эдельбай) и Ипатовского (аулы Нижний Барханчак, Малый Барханчак, Верхний Барханчак и Юсуп-Кулак) районов Ставропольского края, а также Приволжского района Астраханской области (села Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2). В ходе экспедиций проводилось интервьюирование респондентов и экспертов, пилотажный анкетный опрос, были собраны разнообразные материалы по истории и этнографии российских туркменов.

Сопротивление антирелигиозной политике в советский период

Туркмены исповедуют ислам суннитского толка, большинство их обрядов и ритуалов сопровождается мусульманскими молитвами и символикой. Традиционно

туркмены не относятся к числу ревностных мусульман, в их духовной культуре присутствуют народные обычаи и поверья, очень поверхностно связанные с исламом. При этом среди российских туркменов истари выделялись семьи и кланы, отличавшиеся религиозностью, в них из поколения в поколение передавались знания в области ислама, детям давалось мусульманское образование, многие из них становились муллами и другими служителями веры. Такие семьи пользовались особым уважением соплеменников. Религиозные туркмены, а также состоятельные родовые лидеры считали своим долгом совершить хадж в Мекку. В советский период, несмотря на антирелигиозную государственную политику, выходцы из таких семей не отказывались от веры и религиозных отпращиваний, их прежний высокий статус часто предопределял жизненный путь и положение потомков, которые часто так же посвящали себя религии и становились муллами, как и их деды и отцы. В памяти народа подвергшиеся репрессиям и сопротивлявшиеся атеистической пропаганде религиозные деятели наделены сверхъестественной силой.

Сафартовой Джумадурдыева родилась в 1916 г. в Шарахалсуне. Ее отец был религиозным деятелем, муллой. Жили средне, не богато. Дедушки и по папе, и по маме ходили в хадж пешком. После революции семья уехала из аула, т.к. начались преследования за религию. Ехали в сторону Дагестана. В 1934 г. там тоже началась коллективизация, большинство беженцев союнаджи вернулось в Шарахалсун, а 4 семьи обосновались в ауле Махач. Она была старшим ребенком, а все ее сестры умерли в младенчестве. Она работала в колхозе, стала передовиком, стахановкой. Все члены ее семьи были очень религиозными. Мулл арестовывали в 1930-х годах. Дед мужа тоже был муллой, обладал большой духовной силой, его не смогли тронуть. А другой сильный мулла чувствовал, что к нему едут из НКВД, его забрали, хотели посадить на бричку, но даже лошади упали, тогда его пешком увели и расстреляли. Ее муж сам был влиятельным муллой при советской власти, но в хадж он не ходил, так как его не пускали. Он читал молитвы (когда что-то случалось, например, авария), совершал похоронные обряды, Никах. Когда кто-то умирал, он читал Коран полностью, 7 дней, сидя у себя дома. А самой Сафартовой удалось три раза съездить в хадж в 1990-х годах вместе с другим паломником из этих мест. К Сафартовой ее односельчане относятся с большим уважением, почти как к святой. У нее есть земля, привезенная с мазара Бахагаддина Дувана (Баха ад-Дина Накшбанда? – О.Б.) близ Бухары, она этой землей лечила людей. Этот святой Бахагаддин возвращает жизнь людям. Один человек из Туркменистана привез ей эту землю. Она использует серебряный молитвенный хенкель, в котором хранится земля: обводит им по плечам – кто верит, тому помогает выздороветь» (ПМА 2: а. Махач: Джумадурдыева).

«До 1917 г. Мекку в хадж отсюда ездили на тачанке – на верблюде, это был долгий путь. Мулла из Эдельбая, наш прадедушка, в молодости пять лет учился в Стамбуле, владел арабским языком, был знающим муалимом. При советской власти все село молилось. Его посадили в 1937 г. за распространение религии, т.к. мулла переводил религиозные тексты. В Ростове он сидел, духовно лечил, по ночам лечил – отчитывал, читал молитвы. В 1939 г. вернулся домой, религию не оставил, его больше не беспокоили. Ведь все село в те годы молилось. Соблюдали религиозные обряды, Никах всегда делали – люди жили, как подобает, без прелюбодеяний» (ПМА 3: а. Эдельбай, Джумакаева, Казмухаметова).

До 1990-х годов в туркменских аулах не было официальных мечетей, верующие собирались для молитв в определенном доме, по договоренности с хозяевами. На муллу учились у местных знающих стариков или в соседних республиках Северного Кавказа. Коран читали по-арабски, а с 1980-х годов появились исламские тексты, написанные кириллицей. Сейчас уже почти не осталось стариков, владеющих арабской графикой (ПМА 2013 а. Шарахалсун: Абдалов и др.).

Древние верования в контексте мусульманской религии

В религиозном сознании российских туркменов переплелись ислам, бытовые суеверия и своеобразные местные верования, корни которых уходят в домусульманское прошлое и связаны с культом предков, с верой в духов-покровителей «рух», в различные приметы, в «счастливые» и «несчастливые» дни. Исстари бытовали представления о существовании злых духов, «пиров» (сверхъестественных существ с человекоподобным обликом), а у астраханских туркменов также «юрт эеси» (хозяев юрты, дома) (Демидов 1987: 89).

Весь комплекс народных религиозных представлений воспринимается как исламский, о чем свидетельствует широкий круг функций, выполняемых туркменскими муллами. Прежде, будучи нередко единственным грамотным человеком в ауле, мулла выполнял функции советчика по различным вопросам, кадия (судьи по шариату), лекаря, умел лечить с помощью заговоров и продавал амулеты от болезней и других несчастий (См. подробнее: Токалов 1976: 63–65). И в настоящее время туркменский мулла часто выступает в роли советчика, определяет по лунному календарю и по звездам «удачные» и «неудачные» дни для свадьбы и других важных событий. Туркмены берегут и носят амулеты с записями молитв и изречений из Корана, которые пишут по-арабски грамотные муллы (как правило, выходцы из Дагестана).

Муллам и имамам принадлежит ведущая роль в обряде жертвоприношения *садака*. Садака делают по различным поводам: поминальным – в том числе на Курбан Байрам; в случае неприятностей или при начинании нового дела – «чтобы все было успешно»; для скорейшего выздоровления заболевшего; на день рождения, в юбилейные годы – 55 или 60, 70 лет, а также по средам («жители аула должны относить мулле по 10 рублей и примерно раз в месяц давать садака-хаир»). Как правило, хозяева устраивают садака в своем доме или дворе. Режут жертвенное животное, обычно барана («надо пустить кровь»), приглашают муллу, родных и соседей («по 8 домов с каждой стороны»), варят мясо, мулла читает молитвы «на мясо в миске», которое потом режут и раздают собравшимся по кусочкам (ПМА 4: а. Шарахалсун, Бакиева).

Важным общественным событием с религиозным содержанием является «*Орталык садака*» (коллективное жертвоприношение, охватывающее всю округу или селение). Этот обряд проводят повсеместно в туркменских аулах «чтобы не было засухи, шли дожди, и за благополучие», как правило, весной в мае перед посевом. В некоторых аулах «*Орталык садака*» дают 2-3 раза в год: если стоит засуха и/или перед уборкой урожая. Обряд связан с сельскохозяйственным циклом, в нем участвует весь аул. Даже председатели колхозов (до их роспуска) ходили к туркменским муллам, когда грозила засуха, приносили им деньги или давали барана для совершения обряда жертвоприношения (ПМА 4: а. Кендже-Кулак, сотрудники).

Муллы и старейшины назначают день проведения Орталык садака, собирают деньги с жителей аула, достают общественные казаны и покупают жертвенное жи-

вотное – барана (желательно – черного), иногда 2-3 баранов или теленка. Коллективное жертвоприношение проводится в особом месте, чаще всего во дворе мечети или рядом с ней, либо на поляне, раньше – у кладбища, у могилы святого, возле водного источника. В а. Сабан-Антуста садака дают на развалинах старой мечети, где собираются только мужчины и дети. Считается, что на месте развалин раньше жили пиры (*пэри*) и женщинам там находиться нежелательно.

На садака могут присутствовать, кроме взрослых мужчин и детей (мальчиков и девочек), пожилые женщины и молодые люди, а девушки и женщины обычно остаются дома. Пожилые аксакалы сидят отдельно от других. Голову принесенного в жертву барана опускают в родник (в каждом ауле есть особый колодец для этого случая), люди верят, что тогда пойдет дождь. Мужчины режут скот и варят в нескольких котлах на особом очаге «*ярмаджак*» бульон из баранины – *чоурпу*, или же готовят на бульоне лапшу *уак хамир*, или *хинкал (бешибармак)*. Один или несколько мулл по очереди читают молитвы, собравшиеся их повторяют, затем раздают чашки (*касы*) с чоурпой присутствующим и для их домашних – «это передается Аллаху». В первую очередь садака (обычно куски мяса на ребрах) раздают детям. Все угощаются, говорят «спасибо», молятся и расходятся.

В последнее время в засушливые годы женщины, в основном пожилого возраста, стали отдельно от других организовывать свое Орталык-садака. Они собирают деньги, покупают сладости, печенье и устраивают чаепитие, в ходе которого молятся вместе с муллой, «чтобы была хорошая погода». В некоторых селах женщины собираются в мечети, иногда – дома у кого-либо из зажиточных людей, старейших женщин угощают конфетами и сладостями (ПМА 1: а. Шарахалсун, жители; ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Данатаровы; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев, Казмухаметова; ПМА 4: а. Шарахалсун, Бакиева, Абдалов, а. Верхний Барханчак, Дюшенбеев, ПМА 5: а. Фунтово 1: Туликовы).

Мусульманские обряды и праздники

Независимо от степени своей религиозности, практически все семьи обращаются к мусульманским духовным лицам с просьбами об исполнении религиозных обрядов, связанных с семейными событиями.

Младенец считается мусульманином после обряда наречения его именем; аналогичный обряд обращения в ислам проводится муллой и в отношении женщин другого (к примеру, православного) вероисповедания перед заключением брака с туркменом. Через девять дней после рождения ребенка ему на ухо читают молитву Азан, и произносят выбранное имя (ПМА 2: а. Махач: имам). Мальчикам дошкольного возраста, согласно мусульманской традиции, делают обрезание и устраивают *Суннат той*. Мулла читает молитвы, а само обрезание совершает специалист-медик, как правило, в больнице, иногда – на дому.

Обряд бракосочетания *Никах* проводится в мечети, реже – в доме невесты в присутствии доверенных представителей со стороны невесты и со стороны жениха. О важности для российских туркмен мусульманского бракосочетания говорит тот факт, что этот обряд совершается практически на всех свадьбах, включая этнически смешанные пары. Обряд Никах и по сей день считается вполне достаточным, чтобы молодые признавались супругами и начинали совместную жизнь. Мулла совершает

Никах, как правило, до регистрации брака в ЗАГСе. Официальное заключение брака в ЗАГСе иногда откладывается на несколько месяцев или даже лет после мусульманского бракосочетания.

Похороны также проводятся по мусульманским обычаям. Мулла читает молитвы над покойным во время обмывания в его доме, либо в мечети, затем – на кладбище в ходе похорон. Чтение поминальных молитв продолжается впоследствии в мечети, а на 7, 20, 40 и 100 день совершаются поминки с обязательным участием муллы, которого приглашают домой.

Два основных мусульманских праздника Ураза Байрам и Курбан Байрам широко отмечаются во всех туркменских семьях. Эти религиозные праздники считаются нерабочими днями, каждый праздник справляют по несколько дней, обычно – по три. Религиозный пост Ураза в настоящее время держит небольшая часть туркменов – главным образом пожилые люди и небольшое число молодых мужчин. По оценкам жителей а. Уллуби-Юрт, таких – около 10%. В а. Эдельбай, по словам имама, «пост держат 70–100 человек, в том числе 20–30 женщин и девушек» (то есть всего около 7%) (ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Тоймухамедова, Данатарова; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев). Перед началом поста в месяц Рамазан пожилые женщины читают особые пожелания «чтобы сын родился, чтобы дочь родилась ...». В период Уразы соседи и родня оказывают особое почтение тем, кто держит пост, то есть не употребляет пищу и воду в светлое время суток. Постящиеся вечером приходят в мечеть, совершают ночной намаз (молитву), после чего разговляются *акзачар*. В своих дворах жители ставят котлы с едой для тех родственников, кто держит пост, чтобы те могли прийти поесть в темное время суток. «Все жители хотят заработать *суwab* – благое дело», поэтому готовят национальные кушанья (*катлама* – слоеные лепешки, *перемечи* – беляши, калмыкский чай с финиками, инжиром, изюмом, *хинкал* или пельмени), а также пакуют большие пакеты со сладостями и фруктами и разносят их тем, кто держит пост, если те не могут пойти в мечеть. (ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Тоймухамедова; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев, Джумакаева).

За день-два до окончания поста принято устраивать ритуальную стирку *кыр юар*. В последний день Уразы совершают жертвоприношение в память усопших. В некоторых семьях режут барана, варят мясо. В первый день праздника Ураза Байрам туркмены посещают мечеть, мужчины бывают на кладбище, там совершают ритуал – бросают зерно на могилы предков. Потом жители гуляют по аулу, идут друг к другу в гости со сладкими гостинцами (конфетами и т.п.), поздравляют родственников и знакомых с праздником. Дети группами ходят по домам, поют куплеты «О Рамазан» с добрыми пожеланиями и поздравлениями, хозяева угощают их конфетами и другими сладостями (ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Тоймухамедова, Данатарова; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев, Казмухамедова; ПМА 4: а. Шарахалсун, Бакиева).

Через 70 дней после Ураза Байрама отмечают Курбан Байрам. За два дня до праздника в домах делают генеральную уборку, стирают, моют. В некоторых аулах на этот праздник все жители собираются в мечети. Утром всем селом совершают *Айт намаз*. Мулла читает проповедь *хутба*, в которой поминаются усопшие. Затем мужчины идут на кладбище, читают молитвы у могил своих родственников. Жители дают мулле деньги, чтобы он, придя в дни Курбан Байрама на кладбище, помянул их предков. После возвращения с кладбища принято посещать родственников, обходя их «по старшинству»: сначала – старших дядьев и теток, либо детей старшего дяди (если того нет в живых).

На следующий день совершают жертвоприношение садака: семья или несколько домов (кварталом) режут домашнее животное, чаще всего упитанного барана. По правилам, жертвенное животное «должно быть целиком, с ушами и глазами», можно взять козу, корову, верблюда. Некоторые в качестве жертвы режут индюка, а гусь или утка для этих целей не подходят, так как «они лапчатые». Тушу полагается делить на три части: одну хозяева берут себе, вторую режут на куски и раздают родственникам и бедным, из третьей части готовят густую, наваристую домашнюю лапшу *шрюм* – этим блюдом потчуют гостей, приглашенных на садака. В дни Курбан Байрама туркмены стараются посетить всех своих родственников, в том числе живущих в других районах. (ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Тоймухамедова; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев, Казмухамедова; ПМА 4: а. Шарахалсун, Бакиева, Абдалов, а. Нижний Барханчак, Маулид).

Накануне Курбан Байрама, а в некоторых аулах и в день окончания Уразы российские туркмены совершают особый обряд поминания усопших. До восхода солнца женщины пекут *чёреки* (лепешки из тонкого пресного теста, жаренные в топленном жире или подсолнечном масле). Хозяйка выкладывает чёреки на поднос, читая при этом молитву: 1-й чёрек – на имя Аллаха и Пророка Мухаммеда, 2-й чёрек – на старших покойных родственников, сначала своих собственных, включая дядьев, затем – на бабушек, потом – на родных мужа. Если чёреков мало, то на один называют по нескольку родственников, или один чёрек – на всех покойных родственников хозяйки, а второй – на родственников ее мужа. В конце кладут лепешки за всех усопших родственников, и тех знакомых, которых некому поминать. «Все усопшие на том свете ждут, поэтому надо рано печь». Мулла или кто-то из знающих молитвы мужчин с утра обходит дома, перед ним ставят чай и лепешки, мулла отщипывает кусок и читает молитвы на чёрек, отчитывает усопших, перечисляя имена близких и откладывая посвященные им лепешки. «Читать на лепешки» может и старший мужчина в доме (ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Данатарова; ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев, Казмухамедова; ПМА 4: а. Шарахалсун, Бакиева).

«Все души умерших прилетают, когда чёрек делают, они смотрят, «как меня поминуют». *Рух* – душа человека» (ПМА 3: а. Эдельбай: Мухамедбердиев). После отчитывания вся семья и гости пьют чай с чёреками.

На мусульманские праздники принято поздравлять не только своих единоверцев, но также соседей и коллег других национальностей и вероисповедания, в частности – русских. Русские, в свою очередь, поздравляют туркмен с Рождеством: приносят шампанское, конфеты, цветы, на Пасху так же угощают традиционными для этого праздника блюдами (ПМА 1: с. Кучерлы: Хоренко).

Ислам в общественной жизни современных аулов

В настоящее время мечети, свои имамы и муллы есть в каждом туркменском ауле. Они получают духовное образование чаще всего в мусульманских учебных заведениях Дагестана и Карачаево-Черкесии. Мечети играют роль общественных центров, социальная жизнь в туркменских аулах тесно переплетается с религиозной, а муллы, как авторитетные и уважаемые люди, выступают в качестве советчиков и входят в органы самоуправления.

В сплоченных и весьма замкнутых, автономных туркменских аулах общественная жизнь во многом строится по принципам саморегуляции на основе потестарных инсти-

тутов. Определенную роль продолжают играть советы старейшин, аксакалы остаются выразителями общественного мнения, они присматривают за порядком, разбирают тяжбы между жителями, наказывают провинившихся, порой берут на себя функции органов правопорядка, воздействуя на нарушителей своими методами. Именно старейшины выступают в качестве посредников при умиротворении конфликтов между молодежью соседних сел, или с другой группой населения. Совет старейшин – неформальный институт самоуправления, который регулирует внутреннюю жизнь аула, порядок в нем, проведение общественных работ, определяет сбор денег на общие нужды, на помощь односельчанам (нуждающимся вдовам, или кому-то на важную поездку, или в случае, если сын отделяется от родителей, или помогают провести газ). Заметная деятельность советов старейшин связана с религиозной жизнью в аулах, совет может инициировать строительство новых мечетей, осуществляет сбор денег для этой цели. Аксакалы решают, как использовать деньги, какие материалы будут на них покупать, что и как будут строить (ПМА 1, 2, 3, 4). Старики обсуждают, нужно ли кому-то сделать подарок от общества, обдумывают, что именно следует подарить, а если кто-то умер, собирают деньги на похороны (ПМА 4: а. Чур, Юнусов).

Мусульманские праздники Ураза Байрам и Курбан Байрам являются важными общественными событиями, в ходе проведения которых укрепляются родственные и соседские связи, решаются аульные дела. В дни обоих праздников мужчины собираются на кладбище. От каждого дома присутствует хотя бы один взрослый мужчина старше 30 лет, могут прийти отец с сыновьями. На кладбище мужчины выбирают совет старейшин, куда входят пожилые авторитетные и активные мужчины, в том числе, связанные с религиозной жизнью аула: муллы, имам. Важную роль играет, как правило, главный мулла-эфенди. Так, совет старейшин а. Чур состоял из двух-трех аксакалов и 30-ти летнего имама, – благодаря своему статусу, он также входил в совет (ПМА 4: а. Чур, Юнусов). В а. Эдельбай совет старейшин работает как «приходской совет» при мечети, это официальная организация, которая действует по утвержденному уставу, есть ревизор, собрания проводят почти каждый месяц, председатель приходского совета – имам (ПМА 3: а. Эдельбай, Мухамедбердиев).

С середины 1990-х годов на средства жителей стали строить новые мечети. Сейчас практически в каждом туркменском ауле возведено здание, где происходят коллективные моления, встречи и обсуждения общественных вопросов. Строительство мечетей и деятельность мулл осуществляется за счет добровольных пожертвований жителей аулов. «*Башибитер* (*башинетир* – фитр, – О.Б.) – подаяние, пожертвование, отдают мулле, кто сколько может на мечеть, помощь кому-либо: на билет, если человеку надо уехать, если сын отделился от отца». Для мечети собирают деньги два раза в год – на Уразу Байрам и Курбан Байрам, все сдают деньги, независимо от религиозных убеждений, считают своим долгом поучаствовать в пожертвовании, подаянии. Даже те туркмены, которые считают себя атеистами, дают деньги на строительство и благоустройство мечетей. Сбор организуют советы старейшин, это – «богоугодное дело, закят». Аксакалы и их представители обходят дома и собирают по 1000 и более рублей. Крупные суммы жертвуют преуспевающие фермеры. Из земельного фонда аула иногда в пользу мечети выделяют определенный участок. Так, в а. Шарахалсун по типу вакфного хозяйства отвели 100 га земли на один год – деньги, вырученные за выращенный на нем урожай, пошли на строительство (ПМА 1: а. Шарахалсун, жители; ПМА 2: а. Уллуби-Юрт, Данатаров; ПМА 3: а. Эдельбай, Казмухаметова, жители; а. Шарахалсун, жители).

В а. Сабан-Антуста до середины 2000-х годов религиозные моления совершались в мечети, расположенной в здании старой начальной школы. Новая мечеть построена на пожертвования жителей (ПМА 1: а. Сабан-Антуста, жители; ПМА 4: с. Кенже-Кулак, сотрудники). В центре а. Эдельбай стоит просторная кирпичная мечеть, построенная в 1998 г. на пожертвования аулчан и помощь местного колхоза. В ней не только молятся, но и собираются аксакалы для решения общественных дел. Мечеть открыта круглосуточно, там есть место, где могут отдохнуть путники. В пятницу собираются по 30–50 человек, на Ураза Байрам, Курбан Байрам – по 150–200 человек. Женщины, в основном пожилые, тоже ходят в мечеть, для них отгорожено специальное место. В этом ауле есть и медресе, где учатся не только мальчишки, которых большинство, но и девочки. Мулла Мухаметдин Мухамедбердиев стал имамом по просьбе жителей, он окончил 8 классов, учился на шофера и тракториста, потом сам выучился читать Коран. (ПМА 3: а. Эдельбай, Казмухаметова, Мухамедбердиев).

В с. Куликово-Копани действует мечеть дореволюционной постройки, а в а. Чур недавно сооружена нарядная современная мечеть. Ее построили за короткий срок, всего за 8 месяцев, благодаря помощи представителей разных народов: кроме туркмен работали дагестанцы, и карачаевцы, и русские. Владельцы одной строительной фирмы, выходцы с Кавказа, когда узнали, что речь идет о строительстве мечети, бесплатно дали дорогие кровельные материалы, а другая фирма из Карачаево-Черкесии бесплатно отгрузила цемент для этого строительства.

В а. Махач мечеть строили сообща все жители. Имам мечети на этой должности с 1997 г., три раза он побывал в хадже. Учился читать Коран у стариков в ауле, «пошел по этой дороге с 1985 г.», является членом совета старейшин. Он читает в мечети пятикратный намаз по пятницам, а также три-четыре раза – по будням. В мечеть приходит много народа, за перегородкой по пятницам сидят и молятся 15–20 женщин. В мечети совершают обряд бракосочетания Никах, а также похоронный обряд. Там же разговляются после Уразы. (ПМА 2: а. Махач, имам).

Религиозная активность российских туркмен, по оценкам органов районной и областной власти, гораздо ниже, чем представителей многих других мусульманских народов Северного Кавказа. Это подтверждается данными наших пилотажных опросов: регулярно посещает мечети менее трети респондентов, причем около половины из них – молодые женщины. Пост уразу держит только десятая часть опрошенных, хотя у трети есть старшие родственники, соблюдающие пост, в большинстве – женщины. Немало туркмен, согласно анкетному опросу, хотели бы совершить паломничество в Мекку. Сотрудники Ставропольской краевой администрации отмечают определенную заинтересованность туркмен, в том, чтобы участвовать в религиозной жизни, сотрудничать с исламскими организациями. Однако никто из представителей этого народа «не выделяется из общей массы, оставаясь рядовыми мусульманами» (ПМА 1: г. Ставрополь: сотрудник). В 2007 г. в группе паломников из 15 человек, готовящихся к поездке в Мекку, первоначально не оказалось ни одного туркмена, все же ногайская община Нефтекумского района отдала одно место туркмену для совершения хаджа. Имам мечети Шарахалсуна совершил хадж – вместе с группой жителей Дагестана в 2010 г. Они ехали в Мекку на КАМАЗе через Сирию и другие страны. В 2013 г. побывал в Мекке и глава сельской администрации из Туркменского района, что способствовало росту его авторитета среди одноаульцев (ПМА 3: а. Шарахалсун: Абдалов, Оразбаев).

Влияние на туркменов пропаганды исламского фундаментализма

Туркменские аулы не обошла пропаганда фундаменталистского ислама, которая ведется во многих регионах Северного Кавказа. Последнее десятилетие складывается своеобразная ситуация: молодежь оказалась вовлеченной в религию гораздо больше, чем многие жители старшего возраста, воспитанные в духе общесоветских ценностей. Молодые люди подчас полагают, что соблюдение норм ислама дает им право ставить под сомнение авторитет старших по возрасту заслуженных и уважаемых, но далеких от религии аксакалов. «Раньше спиртное при дедах не распивали. А сейчас вместе с дедом иногда употребляют. Обрусели. Есть деды, которые не пьют и не курят, а молятся – их уважают, а есть деды, которые попивают...» (ПМА 4: а. Шарахалсун, жители).

Жителей аулов настораживает, что у мечетей стали собираться молодые люди, внешне похожие на ваххабитов. Своих жен они убеждают надевать хиджаб. Это – свои же парни из аула, попавшие под влияние неких агитаторов. Кто они и как происходит вовлечение в такие религиозные кружки, аулчане понять и объяснить не могут. «Нам, туркменам, – говорили они, – это не свойственно, традиционно никакого фанатизма у нас нет, кто-то со стороны настраивает наших ребят, и мы теперь боимся за себя и за них, как бы чего не случилось» (ПМА 3: а. Башанта, жители). «Сейчас в мечети заправляют ваххабиты – бородатые, около 100 юношей. Из Карачаево-Черкесии приезжали духовные лица, закладывали фундамент мечети. Одна девушка вышла за такого человека замуж и стала закрывать лицо хиджабом. Другую девушку парень с бородой украл еще до выпускного бала, когда она училась в школе. Она хиджаб надела. И еще две девушки, когда на улицу выходят, хиджаб надевают и балык – длинное платье и штаны. Из Куликово-Копани девушка вышла за татарина с бородой. Сейчас они уехали в Египет, там живут. Еще несколько парней с характерными бородами уехали в Каир. Там уже живут наши – родители двух сыновей, они – граждане Египта, их оттуда не выпускают, говорят, что они вошли в состав общины. Есть у нас ребята, которые ездили в Каир, потом вернулись» (ПМА 4: Туркменский район).

В поисках сути «настоящего» ислама молодые туркмены стали ездить в арабские страны и Турцию для получения религиозного образования. С.У. служил в Чечне, имеет соответствующие льготы. Вернувшись на гражданку, он почувствовал желание побольше узнать об истинном исламе и поехал учиться в Египет, провел там несколько месяцев. Для него стало откровением мусульманское образование в Египте. Гостил там у родственницы, которая училась в Москве, вышла замуж за араба, родила детей, потом муж умер, оставил ей собственность – магазин. Двоюродный брат С.У. уехал навсегда в Каир – живет там вместе с семьей. С.У. считает, что все религиозные предписания надо соблюдать сознательно, чтобы попасть в рай. Его молодая жена сначала отказывалась носить хиджаб, а С.У. не настаивал, так как женщина сама должна понять и пожелать это сделать. Он убеждал жену, исходя из религиозных догматов. Наконец, она, по его словам, сама приняла решение и теперь носит хиджаб. (ПМА 4: Туркменский район).

Фундаменталистски настроенные люди меняют свой образ жизни и внешний облик, чтобы соответствовать «правильному», по их мнению, исламу, отказываются от традиционных обрядов и ритуалов или искажают их. «Молодые парни не слушают родителей. В мечети есть райс – имам Мавлид, так даже его не слушают. А он им говорит, что, например, если не сделают поминки по всем правилам, как имам сказал, то он на

поминки не пойдет. Эти люди обращаются к имаму в другом ауле, а тот отвечает, что у вас свой имам есть. Так они возвращаются к нам (ПМА 4: а. Юсуп-Кулакский, Мавлид). «Стал распространяться вахабизм. Наши обычаи нарушают. Но вот вчера были поминки – там все согласно традиционному исламу, как отцы и деды делали» (ПМА 2: а. Махач, имам). Аульные имамы и сами жители стараются противостоять этому явлению, «сильные», харизматичные муллы разгоняют сборища и убеждают молодежь не поддаваться фундаменталистской пропаганде (ПМА 3: а. Эдельбай, жители).

В а. Башанта прежний имам вынужден был уйти со своей должности, так как оказался не способен справиться с «ваххабитским» кружком. (ПМА 3: а. Башанта, жители). Из года в год ситуация там все более обостряется, число приверженцев «ваххабизма» растет, несмотря на неодобрение и обеспокоенность большинства жителей аулов. «В Башанте процветает фанатизм, в Чуре несколько молодых женщин стали носить хиджаб, хотя у туркменов никогда такого не было, а сейчас их заставляют мужья, ставшие фанатами. Кто среди них проводит агитацию – для местных жителей непонятно, но заметно, что количество фанатов растет. В Эдельбае мечеть была построена в 2000-е годы, сильный авторитетный мулла Мухаметдин Мухамедбердыев является имамом уже более 10 лет, он не разрешил собираться по вечерам в мечети – как хотели сторонники фанатизма. Совет старейшин вместе с имамом запретили использовать мечеть по вечерам» (ПМА 3: а. Эдельбай, Казмухаметова, Мухамедбердыев).

В другом туркменском ауле имам и сельская администрация решили не противодействовать прямолинейно увлечению части односельчан «истинным исламом», так как считают, что власти должны находиться в гуще событий и контролировать ситуацию «изнутри». Под руководством имама в ауле совершается обряд *зикр*, что не наблюдается в других аулах: во дворе мечети собравшиеся должны сто раз прочесть молитву стоя, затем каждый отламывает по кусочку особой лепешки (ПМА 4: Шарахалсун, жители).

Заслуженные аксакалы в некоторых аулах сожалеют, что дорога в мечеть им закрыта: «Эти бородатые не работают, уходят в религию. Бородатые ребята молятся в мечети, а стариков не пускают – мол, не так молятся. Когда-нибудь это взорвется. Русские боятся и уезжают. Причем у нас мулла арабского языка не знает. Смысл молитвы надо знать!» (ПМА 4: Туркменский район, жители аулов). Мнение погруженных в религиозную жизнь молодых авторитетных людей таково: пожилые туркмены, воспитанные в советском духе и не соблюдающие нужных религиозных предписаний, не могут быть членами совета аксакалов, несмотря на все свои достижения и заслуженное уважение. Тем более, что совет старейшин, как правило, действует при мечети: «Совета старейшин сейчас нет, так как наши старики намаз не делают, потому они автоматически в совет старейшин не могут войти» (ПМА 4: Туркменский район, жители аулов).

Сотрудники сельских и районных администраций стараются отслеживать религиозную ситуацию, но на деле кардинально повлиять на нее пока не могут. Они полагают, что есть два пути распространения фундаменталистских идей среди российских туркмен. Якобы, увлеченные исламом туркмены возвращаются из Чечни и Дагестана. По словам информантов, служба по контракту в военных гарнизонах Шали и Ханкалы была распространенным способом заработка среди жителей ряда туркменских аулов (ПМА 1: а. Шарахалсун, жители; а. Сабан-Антуста, жители; ПМА 4: а. Шарахалсун, жители, а. Сабан-Антуста, жители; с. Кучерлы, жители).

Другой путь приобщения к фундаментализму – через радикально настроенных мусульман, переезжающих сюда из других регионов.

Из-за сложной обстановки в Ставропольском крае, связанной с распространением фундаменталистских идей среди народов, традиционно исповедующих ислам, краевая администрация пытается контролировать любую этнокультурную и религиозную деятельность на местах, подчас подозревая «ваххабитские настроения» у вполне лояльных и законопослушных граждан, в том числе туркменов. Показательно, что еще в 2002 г. председатель Туркменской НКА М. Тойкеев заявил, что «главная задача Туркменской национально-культурной автономии Ставропольского края – не допустить проникновения ваххабизма в наш туркменский быт». Он предложил поддержать НКА в финансовом плане и «образовать какой-то орган при Совете безопасности для выживания, координации» (Тойкеев 2002). Важно подчеркнуть, что местные туркмены исстари сохраняют полную лояльность по отношению к русскому населению и Российскому государству. Туркмены не только не чувствуют себя народом, подвергшимся «колонизации», «захвату» со стороны России, но наоборот, помнят с благодарностью, что русские цари приняли их предков в подданство и выделили земли для кочевания. В периодически возникающих стычках между молодежью разных национальностей туркмены защищают интересы старожильческого населения, и солидаризируясь в этом отношении с русскими, татарами и представителями других местных народов.

Источники и материалы

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Туркменский район Ставропольского края. Октябрь 2007 г. (с. Кучерла: С.И. Хоренко; а. Шарахалсун: жители аула; а. Сабан-Антуста: жители аула; г. Ставрополь: сотрудник краевой администрации).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Нефтекумский район Ставропольского края. Май 2011 г. (а. Уллуби-Юрт: К.М. Тоймухамедова, А.Д. Данатаров, П.А. Данатарова (в дев.), а. Махач: С. Джумадурдыева, имам мечети).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Туркменский, Благодарненский и Арзгирский районы Ставропольского края. Октябрь 2012 г. (а. Шарахалсун: жители аула; а. Эдельбай: З.Я. Казмухамедова, Т.Т. Джумакаева, имам М. Мухамедбердиев; а. Башанта: жители аула).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Туркменский и Ипатовский районы Ставропольского края. Октябрь 2013 г. (а. Шарахалсун: М.Б. Оразбаев, Б.З. Бакиева, имам М.-А. Абдалов, жители аула; с. Кучерла: жители села; а. Кендже-Кулак: сотрудники сельской администрации; а. Сабан-Антуста: жители аула; а. Чур: мулла З. Юнусов; а. Верхний Барханчак: О.А. Дюшенбеев, Нижний Барханчак: имам Маулид; а. Юсуп-Кулакский: имам Мавлид).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Приволжский район Астраханской области. октябрь-ноябрь 2015 г. (а. Фунтово 1: И.Т. Туликов, З.Г. Туликова, А.И. Туликова).

Научная литература

- Бентковский И.В.* Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии // Сборник статистических сведений Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. II.
- Брусина О.И.* Основные этапы этнического развития туркмен Юга России // Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации / отв. ред. О.И. Брусина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 13–35.
- Демидов С.М.* Этнографическая поездка к астраханским и ставропольским туркменам // Материалы по исторической этнографии туркмен / отв. ред. А. Оразов. Ашхабад: Ылым, 1987. С. 83–109.
- Қурбанов А.В.* Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб.: СПбГУ, 1995.
- Тойкеев М.* Выступление на заседании круглого стола «Через культуру к гармонии межнациональ-

ных отношений» // «Что? Где? Когда?» Информационный выпуск. № 1 (45). Ставрополь, 2002.
 Токалов И.Т. Ставропольские туркмены в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографический очерк). Дипломная работа. Кабардино-Балкарский государственный университет. Нальчик. 1976. Рукопись.

References

- Bentkovskij, I.V. 1869. Truhmyane, kochuyushchie v Stavropol'skoj gubernii [Trukhmyans wandering in the Stavropol province]. In *Sbornik statisticheskikh svedenij Stavropol'skoj gubernii* [Statistical data collection of the Stavropol province]. Vol. II. Stavropol.
- Brusina, O.I. 2016. Osnovnye etapy etnicheskogo razvitiya turkmen YUga Rossii [The main stages of the ethnic development of the Turkmens of the South of Russia]. In *Turkmeny Yuga Rossii: istoricheskij kontekst i sociokul'turnye transformacii* [Turkmens of the South of Russia: historical context and sociocultural transformations], edited by O.I. Brusina, 13–35. Moscow: IEA RAN.
- Demidov, S.M. 1987. Ehtnograficheskaya poezdka k astrahanskim i stavropol'skim turkmenam [Ethnographic trip to the Astrakhan and Stavropol Turkmens]. In *Materialy po istoricheskoi etnografii Turkmen* [Materials on the historical ethnography of Turkmens], edited by A. Orazov, 83–109. Ashkhabad: Ylym.
- Kurbanov A.V. Stavropol'skie turkmeny. Istoriko-ethnograficheskie ocherki. SPb.: SPbGU, 1995.
- Tojkeev M. Vystuplenie na zasedanii kruglogo stola «CHerez kul'turu k garmonii mezhnacional'nyh otnoshenij» // «Что? Где? Когда?» Информационный выпуск. № 1 (45). Ставрополь, 2002.
- Tokalov I.T. Stavropol'skie turkmeny v konce XIX – nachale XX vv. (Istoriko-ethnograficheskij ocherk). Diplomnaya rabota. Kabardino-Balkarskij gosudarstvennyj universitet. Nal'chik. 1976. Rukopis'.

O.I. Brusina. Islam among the Turkmen of Stavropol Krai and Astrakhan Oblast.

The article is devoted to the role of Islam in culture and social life of the Turkmen of southern Russia. The study is based on the author's field materials collected in 2007–2015 in the Stavropol and Astrakhan Regions. The ethnic group of the Russian Turkmen was formed in the XVII–XIX centuries and currently counts about 17,000 people. The Turkmen are Sunni Muslims, most of their customs and rituals are associated with Muslim prayers and symbolism. At the same time, the Turkmen are not among the zealous Muslims, in their spiritual culture there are folk customs and beliefs that are very superficially associated with Islam. In the Soviet period, the Russian Turkmen maintained their religion, secretly carried out Islamic rites and rules, despite the anti-religious state policy. Currently, the religiousness of the Turkmen varies greatly, but almost all families hold major religious ceremonies. Mosques play the role of community centers, social life in the Turkmen settlements is closely intertwined with religious life, and the mullahs are local leaders and take part in self-government bodies. Propaganda of fundamentalist Islam has not bypassed the Turkmen, as many regions of the North Caucasus. A peculiar situation has developed: young people have become involved in religion much more than old honored people, educated in the Soviet ideals. Residents of the Turkmen settlements and imams of mosques are trying to resist the spread of fundamentalist ideas. The situation is particularly difficult in the Stavropol Territory; so the regional administration is trying to control any cultural and religious activities on the ground, sometimes suspecting “Wahhabi sentiments” among quite loyal citizens, such as the Turkmen. It is important that the Turkmen are almost the only people of this region who, traditionally practicing Islam, retain complete loyalty to the Russian population and the Russian state.

Key words: *the Turkmen, Stavropol Krai, Astrakhan Oblast, Islam, religion, pre-Islamic beliefs*